

Historické vědy

УДК 94(47).02

**ДРУЖИНА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ
КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

П. А. Колпаков

*Аспирант
Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет)
г. Москва, Россия*

**THE ARMED RETINUE AS A FACTOR OF THE STABILITY
OF PRINCELY POWER IN RUSSIAN HISTORY**

P. A. Kolpakov

*Undergraduate student
Moscow Aviation Institute
(National Research University)
Moscow, Russia*

Abstract. The article is devoted to armed retinue as a factor of stability of the princely power in Russian history. This article determines the grounds of the interest of armed retinue element in maintaining the stability of the princely power: 1) loyalty as adherence to religious commandments and requirements; 2) the utilitarian aspirations of the combatants. It is noted the special status of senior warrior, not only as a performer prince's policy in the field of security, but as a side effect on its formation. Special legal status of members of the princely retinue found the origins of the protection of the state as an existing device, and its security institutions, ensuring the stability of the entire state system.

Keywords: armed retinue; prince; princely power; the prince's court; the institutes of protection of the state system.

События современной истории, сопряженные с интенсификацией внешних воздействий на существующие политические режимы, стали причиной повышения внимания к вопросам обеспечения стабильности государственного строя, формированию эффективных методов противодействия внешним дестабилизирующим влияниям.

На протяжении всей истории развития человеческой цивилизации, борьба сторонников и противников существующей политической элиты, государственного строя, происходит не только в плоскости информационного противодействия, но и, как прежде, на улицах больших городов и провинциальных населенных пунктов. Та-

ким образом, оценка прошлого опыта применения военнизированных формирований в целях исполнения полицейской функции обеспечения правопорядка в условиях массовых волнений не теряет своей актуальности. В данном контексте представляется особенно интересным рассмотрение таковых формирований не только как исполнителей правоохранительных функций, но и как особенной скрепы, обеспечивающей стабильность государственного строя. Раскрывая тему эволюции военнизированных подразделений с полицейскими функциями в отечественной истории, их институализации, представляется необходимым обращение к истокам процесса формирования «сило-

вых» основ обеспечения стабильности правящих элит, а именно к дружине как фактору обеспечения стабильности власти князей.

Отметим, что, изучая эволюцию властных органов государства российского на стадии раннефеодальной государственности (IX – нач. XII вв.) и в период феодальной раздробленности (нач. XII – середина XV вв.), невозможно произвести предельно конкретную классификацию выполняемых данными органами функций, разграничивая направления деятельности: одни – хозяйственно-административные, другие – полицейские, третьи – направлены на обеспечение внешней безопасности и др. В виду ограниченного развития государственного аппарата отдельно взятая функция, выполняемая каким-либо властным органом, могла касаться сразу нескольких сфер общественной жизни. Одной из таких функций, исполняемой княжескими дружинами являлось обеспечение стабильности княжеской власти.

Объектом данной статьи является дружинный элемент в истории России. Предметом – исполнение дружинным элементом функции обеспечения стабильности княжеской власти.

Целью данной статьи является выявление истоков процесса институализации военнизированных формирований, целью создания и функционирования которых является защита существующего государственного строя, – рассмотрение дружинного элемента как фактора обеспечения стабильности княжеской власти в истории России.

Институт дружины традиционно находился в поле особого внимания исследователей российской истории. Дружинный элемент рассматривался в обобщающих трудах по русской истории (М. П. Погодин, С. М. Соловьев, И. Д. Беляев, И. П. Хлебников, И. Е. Забелин,

М. С. Грушевский, П. И. Костомаров, В. О. Ключевский, В. Ф. Владимирский-Буданов, М. А. Дьяконов, С. Ф. Платонов), в работах, посвященных специальным вопросам истории Руси домонгольского периода (В. Пассек, И. А. Малиновский, В. И. Сергеевич, М. В. Довнар-Запольский, А. Е. Пресняков), в книгах по истории служилых сословий (И. А. Порай-Кошиц, Н. Загоскин, М. Яблочков, Н. П. Павлов-Сильванский). Наибольшее внимание уделялось взаимоотношениям дружины (рассматриваемой большинством исследователей как первоначально пришлая, варяжская) с местным, «земским» обществом, в первую очередь с туземной знатью – «земским боярством», а также вопросу о составе дружины, слоях внутри нее. Рядом исследователей рассматривались проблемы землевладения дружинников (И. Д. Беляев, Н. П. Хлебников, Н. Загоскин, М. Яблочков, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. А. Дьяконов, Н. П. Павлов-Сильванский, А. Е. Пресняков), их роли в аппарате управления (И. А. Порай-Кошиц, Н. Загоскин, М. Яблочков, А. Е. Пресняков) [1, с. 7].

Пропорционально интенсивности внимания исследователей к дружинному элементу количество разнообразных трактовок понятия дружина. В данной статье эту дефиницию будем понимать в узком смысле как военную элиту, ближайшее окружение князя, при этом разделяя понятия «дружины» и «войска». Такой подход к разграничению данных понятий раскрывается советским и российским историком И. Я. Фрояновым на примере восстания новгородцев против варягов в 1015 году. Ярослав, «бояся отца своего», привел в город «из-за моря» варягов, а те от праздной и сытой жизни «насиле творяху новгородцем и женам их». И вот тогда, «вставше новгородци, избища варягы во дворе Поромони». В исторической литературе расправа новгородцев над варяга-

ми нередко именуется «восстанием», а порой – «большим восстанием». И. Я. Фроянов отмечает, что слова «вставше новгородцы», могут означать также «выступили новгородцы», «поднялись новгородцы». При этом указывая, что в древних источниках нет сведений, говорящих об «увеличении повинностей с населения» или о «гнете», которому оно подвергалось. Историк выражает мнение, в соответствии с которым аморфные представления о варягах как части дружины, составлявшей ближайшее окружение князя, способны только затемнить картину представления о дружинном элементе, но не прояснить ее. Участники событий в Новгороде – свободные люди: с одной стороны, новгородцы, простые и знатные, а с другой, – варяги и Ярослав с дружиной [7, с. 71].

Понимание дружины в узком смысле как военной элиты, члены которой были людьми, составлявшими ближний круг князя, целесообразно в рамках данной статьи в виду необходимости указания на тот факт, что одним из первоочередных стимулов, побуждавших дружинников к исполнению функции обеспечения стабильности власти князя, была их личная заинтересованность. Именно собственные интересы дружинников лежали в истоках формирования институтов, целью функционирования которых, в частности, являлось поддержание существующего государственного строя. Так, например, дружина корит Игоря за то, что дань с уличей и древлян ушла в руки Свенелда: «Се дал еси единому мужеву много». С дружиной считается Святослав, отвечая на предложение принять крещение: «Како аз хочу ин закон прияти един, а дружина сему смеяться начнут». Тесно сплетены интересы князя и дружины: «А ты добудеши и мы», - говорит дружина Игорю [3, с. 193].

В раннефеодальный период на Руси именно княжеско-дружинная знать, по

преимуществу, замещает должности аппарата государственного управления, вовлеченность в который систематически обеспечивала личный и имущественный рост дружинников. Княжеская дружина, являясь изначально лишь группой воинов, не просто частично вошла в систему государственного управления, а в какой-то мере учредила ее, узурпировав власть и, заменив институты племенного самоуправления княжеско-дружинной администрацией. Бояре, княжие мужи и отроки, в том числе детские, представляют собой главные разряды княжеских дружинников, структурно обособившихся в старшую и младшую дружины. Если эти внутривружинные структуры являются, по сути, ранней организационной платформой учреждения комплекса должностей, то разряды самих дружинников выступают той кадровой средой (корпусом, резервом), где формировались конкретные должности, пребывание, функциональное и имущественное выражение службы, в которых дается первый опыт служебно-должностной стратификации [2, с. 120–121].

Феномен дружины в отечественной истории военных институтов охранения государственного строя уникален, во-первых, тем, что дружиннику был присущ как статус представителя военной элиты, так и роль исполнителя, которому вменялось охранение княжеской власти; во-вторых, тем, что дружинник ближнего круга как исполнитель не только выступал проводником княжеской политики, но и в значительной степени влиял на нее, т.е. являлся политическим актором. При этом совещания князя с дружиной стояли вне политической конструкции земельно-княжений, будучи более или менее его частным делом, «дума» князя с дружиной не сложилась в «учреждение» [3, с. 202]. Таким образом, имея широкие возможности влияния на решения, касающиеся, в том числе внутренней безопасности, дру-

жина оставалась вне формальных рамок политической системы княжества. Примечательным моментом здесь представляется снижение политической активности и сокращение возможностей для ее проявления в процессе эволюции вышеуказанных институтов: от причастности к принятию политических решений на самом высоком уровне в Киевской Руси до установления правового положения, гарантирующего устранение армии и правоохранительных структур из внутривластных процессов (здесь под политикой понимаем деятельность, направленную на борьбу и удержание власти в государстве) как самостоятельных акторов.

Заинтересованность дружины в стабильности княжеской власти, кроме стремления к исполнению своего долга, основывалась изначально на смежном характере утилитарных целей князя и дружины, составляющей княжеский двор. При этом дружина выступает источником личных сил князя. Она стоит вне строя народных общин, действуя на них как внешняя, исходящая от князя сила, лишь постепенно выделяя ряд своих элементов земскому обществу, но и втягивая из него личные силы в свои ряды. В этом взаимодействии и обмене развивается расчленение дружины, изменяется ее отношение к князю и местному населению. Из нее вырастает новое боярское сословие, из нее развивается княжая администрация, она – историческое зерно будущего строя местных военных сил [3, с. 196].

Близкая бытовая солидарность князя и дружины с течением времени слабеет: дружинники, мужи княжие довольно рано (в ходе истории древней Руси) отделяются «хлебом и имением» от своего князя, обзаводятся собственным хозяйством. Уже в рассказах о Владимире слышим, что он «созывает бояр своих» и велит собираться «по вся неделя на двор в гриднице» на пир [3, с. 194]. Хозяйственное обособление

сохраняет материальную составляющую заинтересованности дружины в поддержании стабильности княжеской власти как гаранта неотъемлемости полученного и приобретенного «мужами княжими» имущества.

Отметим, что утилитарные стремления дружинников, разумеется, не были единственным стимулом их деятельности. Не менее важным столпом взаимоотношения «князь-дружина» была верность, осознаваемая как некая ценность, в религиозном смысле – следование религиозным заповедям и требованиям [6, с. 72].

Обеспечение стабильности княжеской власти требовало не только активного противодействия внешним силам, но и применения силового воздействия на собственное население. В «Повести временных лет» обнаруживаем описание летописцем под 1071 г. новгородских событий антихристианской направленности: «Сице бо волхв встал при Глебе Новгороде; глаголет бо людем, творяся акы бог, и многы прельсти, мало не всего града, глаголашеть бо, яко проведе вся и хуля веру хрестьянскую, глаголашеть бо, яко «Перейду по Волхову пред всеми». И бысть мятежь в граде, и вси яша ему веру, и хотяху погубити епископа». Отнесение выступления в Новгороде, вызванное смутой, посеянной волхвом, к 1071 году достаточно условно. О том, что деятельность новгородского кудесника нельзя безоговорочно связывать с 1071 г., свидетельствует неопределенность записи самого летописца, согласно которой волхв «встал при Глебе в Новгороде», т.е. появился в городе, когда здесь правил Глеб. Летописец говорит о волхве, а затем рассказывает, как Глеб и дружина поддержали епископа, тогда как все люди «идоша за волхва». Князь Глеб со своей дружиной – пришлые элементы в городе. Чужим человеком для новгородцев был и епископ Федор. Уже это объединяло Глеба, дру-

жину и Федора. Само собой разумеется, что князь с дружиной в лице епископа защищал Церковь. При этом обстановка в городе была сложнее, чем кажется с первого взгляда. Весьма существенно то, что епископу Федору, князю Глебу и дружине противостояли не одни только рядовые новгородцы, а «все людье», т.е. весь Новгород, или городская община, куда входили местные бояре, богатые купцы, ремесленники и прочий люд [7, с. 116–117].

Не менее показательным примером в контексте рассмотрения дружины как силы обеспечивающей стабильность сложившегося устройства, в частности, распределения среди населения жизненно необходимых ресурсов, является рассказ о выступлении, происходившем в 1060-е года, под предводительством боярина Яна Вышатича, который был, по всей вероятности, огнищанином одного из Ярославичей и наблюдал в Ростовской земле последствия неурожая. Однажды во время голода в Ярославле объявились два кудесника, которые заявили, что они могут обличить тех женщин, по чьей вине произошёл голод, и в шаманском экстазе указывали на богатых крестьянок, говоря: «Эта жито прячет, а эта – мед, а эта – рыбу, а эта – меха». Предполагаемых чародеек убивали, а их имущество волхвы (к которым уже присоединилось около 300 человек) брали себе. Так все они дошли до Белоозера, где вступили в бой с Яном Вышатичем, но были разбиты им. Волхвов выдали Яну, но они потребовали, чтобы их судил сам князь Святослав Ярославич. Ян после споров с волхвами о сущности языческой религии выдал их родственникам убитых, и те отомстили кудесникам, отдав их на съедение медведю. Сквозь мрачную романтику колдовского ритуала проглядывает социальная сущность событий: во время голода бедные смерды, возглавляемые волхвами, использовали колдовство для конфискации иму-

щества богатой части населения погостов. Это не было движением против феодальных порядков вообще, а являлось лишь борьбой за перераспределение жизненных запасов. Княжеский посланец встал, естественно, на сторону «лучших людей». Попытка восставших зарубить Яна топором могла бы привести всю Белозерскую округу под тяжелую восьмидесятигривенную вину, полагавшуюся по Русской Правде за убийство огнищанина «в разбое» [4, с. 332]. Отмечая особенность правового статуса дружинника, необходимо указать на то, что постепенное изменение бытовых отношений «князь-дружина» должно было влиять и на характер той особой защиты, какую обязан был оказывать вождь дружины своим людям. Эту особую защиту княжих мужей находим в памятнике, который В. И. Сергеевичем выделен из состава старшей редакции Русской Правды как вторая редакция – особый устав, выработанный на съезде старших Ярославичей – Изяслава, Святослава и Всеволода и их мужей: Коснячка, Перенег, Микифора Кыянина и Микулы Чюдина. «Правда уставлена Руськой земли», как назван этот памятник в дошедших до нас списках, возникла во время совместного правления старших Ярославичей, т. е. между 1054 и 1068 гг. В этой Правде видим охрану жизни огнищанина, указаны и частные примеры: ездовой княж, тивун княж, конюх старый у стада, 80-гривенной платой за его голову. Древнейшая Правда Русская знает лишь 40 гривен, уплачиваемых за убийство, если нет мстителя, а также статью «...аще ли будет русин, или гридень, либо купец, или ябетник или мечник, ... то 40 гривен положить заць» [3, с. 215]. Из перечисленных лиц гридень, ябетник, мечник – люди княжие, члены княжеской дружины, его двора; нападение на них есть прежде всего нападение на «княжих» людей, и естественный мститель за них – сам князь [3,

с. 220]. В особом правовом статусе членов княжеской дружины обнаруживаются истоки взаимозащиты государства, как существующего устройства, и его силовых институтов, обеспечивающих стабильность существования всей государственной системы. Применяя силу государственного принуждения в интересах существующего строя, тем самым защищая его, представители силовых институтов получают от государства дополнительные гарантии, особый правовой статус.

С течением времени (по оценке разных исследователей к X–XI вв.) на Руси складывается феодальное общество. Наряду с представителями родо-племенной знати в феодалов-вассалов, обязанных князю службой, и диктующих ему свои условия, превращался «верхний слой дружинников» - бояре или старшая дружина [5, с. 94].

Институт дружины традиционно находился в поле особого внимания отечественных исследователей. Заинтересованность дружины в стабильности княжеской власти, кроме стремления к исполнению своего долга, изначально основывалась на смежном характере утилитарных целей князя и дружины, составляющей княжеский двор. Хозяйственное обособление сохраняет материальную составляющую заинтересованности дружины в поддержании стабильности княжеской власти как гаранта неотъемлемости полученного и приобретенного «мужами княжими» имущества. Феномен дружины в истории российских военных институтов охранения государственного строя уникален, во-первых, тем, что дружиннику был присущ как статус представителя военной элиты, так и роль исполнителя, которому вменялось охранение княжеской власти; во-вторых, тем, что дружинник ближнего круга как исполнитель не только выступал проводником княжеской политики, но и в значительной степени влиял на нее, т. е.

являлся политическим актором. В особом правовом статусе членов княжеской дружины обнаруживаются истоки взаимозащиты государства, как существующего устройства, и его подсистем – силовых институтов, обеспечивающих стабильность существования всей государственной системы.

Библиографический список

1. Горский А. А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). – М. : «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина, 1989. – 124 с.
2. Максимова Н. А. Структура княжеской дружины как основа служебной стратификации в древнерусском государстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2011. – № 2. – С. 111–122.
3. Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории Киевская Русь. – М. : Наука, 1993. – 635 с.
4. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. Происхождение Руси и становление ее государственности. – М. : Академический проект, 2013. – 623 с.
5. Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках – М. : Индрик, 2012. – 656 с.
6. Стефанович П. С. «Верность» в отношениях князя и дружины на Руси в XII–XIII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 1(31). – С. 72–82.
7. Фроянов И. Я. Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. – М. : Русский издательский центр, 2012. – 1088 с.

Bibliografickij spisok

1. Gorskij A. A. Drevnerusskaja družhina (K istorii genezisa klassovogo obshhestva i gosudarstva na Rusi). – M. : «Prometej» MGPI im. V. I. Lenina, 1989. – 124 s.
2. Maksimova N. A. Struktura knjazheskoj družhiny kak osnova sluzhebnoj stratifikacii v drevnerusskom gosudarstve // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pravo. – 2011. – № 2. – S. 111–122.
3. Presnjakov A. E. Knjazhnoe pravo v Drevnej Rusi. Lekcii po russkoj istorii Kievskaja Rus'. – M. : Nauka, 1993. – 635 s.

4. Rybakov B. A. Kievskaja Rus' i russkie knjazhestva XII-XIII vv. Proishozhdenie Rusi i stanovlenie ee gosudarstvennosti. – M. : Akademicheskij proekt, 2013. – 623 s.
5. Stefanovich P. S. Bojare, otroki, družiny: voenno-politicheskaja jelita Rusi v X–XI vekah – M. : Indrik, 2012. – 656 s.
6. Stefanovich P. S. «Vernost'» v otnoshenijah knjazja i družiny na Rusi v XII–XIII vv. // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. 2008. № 1(31). – S. 72–82.
7. Frojanov I. Ja. Drevnjaja Rus' IX–XIII vekov. Narodnye dvizhenija. Knjazheskaja i vechevaja vlast'. – M. : Russkij izdatel'skij centr, 2012. – 1088 s.

© Колпаков П. А., 2016